

А. Я. БРЮСОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БРАТЕ

(К девяностолетию со дня рождения В. Я. Брюсова)

Автор написанных для читателей «Ставрополя» воспоминаний о В. Я-Брюсове — родной брат поэта, заслуженный деятель науки РСФСР и Карельской АССР, доктор исторических наук, профессор Александр Яковлевич Брюсов — является видным советским археологом, труды которого хорошо известны в научных кругах Советского Союза и за рубежом. Перу Александра Яковлевича принадлежит более 200 научных работ; его обстоятельные исследования — «История древней Карелии», «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» и некоторые другие — являются ценным вкладом в науку. Александр Яковлевич — член Коммунистической партии Советского Союза, ученый-общественник, страстный пропагандист знаний и чуткий воспитатель молодых специалистов в области истории и археологии. Советское правительство высоко оценило научную деятельность А. Я. Брюсова, наградив его орденом Ленина.

Воспоминания Александра Яковлевича о брате, не претендуя на полноту и многосторонность оценки деятельности и личности поэта, интересны и ценны тем, что дают известное представление о Брюсове-человеке вне его литературных связей и служебной деятельности.

Материалы публикуются впервые.

Валерий был на двенадцать лет старше меня и намного старше всех остальных детей, которых в нашей семье, не считая рано умершего брата Николая, было пять. Поэтому лет до двадцати Валерий почти не обращал внимания на нас и дружил только со старшей сестрой Надеждой. Он даже подготавливал ее к поступлению в консерваторию, и притом довольно своеобразно: кроме официально требуемых знаний, Валерий занимался с ней латинским и древнегреческим языками. Мы, младшие, в свою очередь, также сторонились его. Поэтому о юношеских годах поэта я знаю только то, что слышал о нем от родителей.

Более или менее

определенно я могу судить о Валерии только с конца 90-х годов прошлого столетия, когда я был уже гимназистом. В студенческие годы, следуя примеру брата, увлечшись идеей стать писателем, я писал стихи и рассказы, которые иногда давал ему на отзыв. В большинстве случаев его оценки были отрицательными. И все же, начиная с 1903 года, Валерий стал приглашать меня на свои журфиксы, на которые приходили его литературные друзья. На этих встречах я познакомился с К. Д. Бальмонтом, Андреем Белым, Д. Мережковским и Зинаидой Гиппиус, Балтрушайтисом, Максом Волошиным и другими поэтами. Позднее Валерий стал приходить и на мои журфиксы, в которых уча-

ствовали писатели другой московской группы — Бунин, Зайцев, Ходасевич, А. Койранский, Соколов (Кречетов), К. Чуковский и другие. Два раза в неделю все эти лица встречались вместе на вечерах литературно-художественного кружка и Общества свободной эстетики.

С 1905 года я большую часть времени проводил в поездках за границу и с Валерием встречался сравнительно редко. В дни первой мировой империалистической войны я был на фронте, а затем в плену и имел с ним только редкую письменную связь. На Родину я вернулся лишь после Великой Октябрьской революции — 31 декабря 1918 года.

Естественно, что мои воспоминания о брате носят отрывочный характер.

Валерий представляется в моей памяти совсем разным человеком в зависимости от того, вспоминая я о нем как о поэте Валерии Брюсове, выступающем на каком-нибудь заседании, находящемся в официальном обществе, или о Валерии в его семейной жизни. Эти образы совершенно не совпадают. Здесь я буду говорить о нем как о человеке — с маленькой, а не с большой буквы, то есть говорить о Брюсове в домашнем кругу жизни; дома же он был «Человеком с большой буквы», когда работал в своем изолированном кабинете, в который никто, кроме его жены Иоанны Матвеевны, не имел права входить во время его занятий; даже всем приходившим к нему в эти часы знакомым объявлялось, что «Брюсова нет дома».

В свободное от литературных занятий время Брюсов становился совсем другим человеком—живым, веселым, остроумным, готовым на всякие шутки и забавы. Когда я учился в последних классах гимназии и в университете, у меня нередко собирались приятели. Сначала я не приглашал на эти вечера своего старшего брата, настолько, казалось мне, велика была разница в нашем возрасте.

Но, к моему удивлению, Иоанна Матвеевна однажды передала мне от имени Валерия, что он не разделяет этого мнения. И с тех пор Валерий стал неизменно участвовать в наших вечеринках, играть вместе с остальными в тогдашние юношеские игры — веревочку, колечко, фанты и другие, честно выполняя требовавшиеся от него нелепости, и веселился не меньше всех.

В наших летних играх крокет, зарождавшийся в те годы в России футбол, городки и другие игры на открытом воздухе — брат участия не принимал, и вообще, мне представляется, что он был мало приспособлен к физкультуре. Зато гулять, и притом совершать большие прогулки, Валерий очень любил. Особенно любил он собирать грибы. Одно время, когда он жил на даче в Старом Селе (в бывшем Можайском уезде), а я приехал к нему погостить, мы втроем — Валерий, сестра Надежда и я — нередко с утра уходили в огромный лес, тянувшийся вдоль «Оршавки» (тракта Москва—Варшава), и, собирая грибы, заходили в глубь леса так далеко, что теряли направление. Собираясь возвращаться домой, мы начинали спорить, в какую сторону нам надо идти; каждый указывал разное: один — на север, другой — на юг, третий — на запад. Тогда мы решительно выбирали восток, и всегда это

направление оказывалось правильным.

Если прогулка совершалась не за грибами, то Валерий или произносил вполголоса, слегка помахивая тросточкой, слагавшиеся у него в уме новые стихи, или оживленно разговаривал со своими спутниками. Однажды мы заговорились с ним до того, что совсем незаметно забрались в такую трясиину, спрятавшуюся среди молодого леса, что едва выбрались оттуда. Беседы эти редко касались литературы. Чаще всего (по крайней мере со мной) это была римская или древнегреческая история. Говорить с ним на эти темы было очень интересно, так как Валерий блестяще знал древние языки, античную историю и литературу, особенно латинскую.

Надо сказать, что Валерий очень хорошо относился к молодежи, если речь шла не о начинающих писателях. В последнем случае он производил самый строгий отбор, и просто удивительно, как точно и безошибочно замечал он талант у начинающего поэта. Так распознал он настоящих поэтов в гимназисте Соловьеве, в юном студенте Бугаеве (Андрее Белом), в Гофмане и ряде других. Характерно, что Валерий категорически выделял, как будущего талантливого поэта, Маяковского еще тогда,

когда Владимир Владимирович организовывал «Вечера мерцаний» и гулял по Кузнецкому мосту с лицом, разукрашенным черными треугольниками.

Кстати сказать, они оба подходили друг к другу одной чертой: Владимир Владимирович, как и Валерий, был совсем другим человеком вне официального литературного общества — добродушным, веселым товарищем и другом.

Еще две черты представляются мне характерными для Брюсова. Одну из них уже отмечали многие. Это — непреклонное стремление изучить, по возможности полно, тот предмет, о котором он собирается говорить или писать. Причем это касается не только частных вопросов, но нередко и целой научной дисциплины. Разумеется, дело шло не о том, чтобы стать крупным специалистом в данной области, а о том только, чтобы овладеть основами этой науки. Валерий всегда с большим негодованием отзывался о людях, которые брались за что-нибудь без достаточных для этого знаний. Я помню, как однажды знакомый мне режиссер Р. В. В., ставивший в Большом театре оперу «Наль и Дамаянти», просил меня проконсультироваться с Валерием о литературе на эту тему. Когда я обратился к Валерию с этой просьбой, он с

большим возмущением ответил: «Как может он ставить эту оперу, не ознакомившись сначала с историей и литературой Индии. Посоветуй ему прочитать статью «Наль и Дамаянти» в энциклопедии Брокгауза. С него и этого будет достаточно». Я, конечно, смягчил выражения брата: они были значительно резче. Сам он этого никогда не допускал, хотя и у него, несомненно, можно найти частные оговорки, вроде стиха:

«На **запад**, слепо **потемнелый**, **глядит** **вечерняя звезда**», или описание здания на южном полюсе, шпиль которого «**упирался** в небесный **надир**». Но, кажется, этими двумя редчайшими оговорками дело и ограничивается. В. Брюсов переворачивал иногда груды книг, для того чтобы выяснить ту или иную деталь. Очень много времени и сил это потребовало у него, когда он писал роман «Огненный ангел». Мне особенно запомнилось это, так как в те дни я писал доклад для университетского просеминария о «Ведовских процессах в XVI-XVII веках» и мы с братом нередко беседовали на эту тему. С. Венгеров, говоря о романе Брюсова и отмечая его научную эрудицию, писал, что «автор блеснул прекраснейшим изучением эпохи». Да, Валерий очень много труда положил на то, чтобы выяснить все мельчайшие детали жизни того далекого времени. Он

изучил даже покрой одежды и ее цвета, чем, и когда люди питались, как совершали путешествия, каковы были правила вежливости той эпохи и т. д. Можно ручаться, что тут Брюсов не допустил никакой ошибки.

Вообще, я сказал бы, не считая это за парадокс, что Валерий всегда был типичнейшим реалистом *sui generis*. И в этом отношении весьма характерен его совет: описав что-либо, закрыть глаза и представить себе, как это происходило в действительности.

Второй характерной чертой брата была его необычайная память. Я часто был свидетелем того, что на журфиксах, где собравшиеся читали и обсуждали свои новые стихи, Валерий, впервые прослушав довольно длинное стихотворение, тут же повторял его наизусть и отмечал его достоинства и недостатки. Память на стихи была у Брюсова поистине велика, и он высоко ценил обладателей подобной памяти, например Соловьева, который, по его словам, знал наизусть почти всего Пушкина. Впрочем, многие из окружения Валерия обладали отличной памятью. На этой почве анекдотичный случай произошел однажды, когда Бальмонт, описывая свою поездку в Испанию, назвал какую-то старинную церковку в Мадриде. Присутствовавший при

этом Г.Г. Бахман задал Бальмонту вопрос: «Это, Константин Дмитриевич, та самая церковь, которая, если идти оттуда-то, пройти по таким-то улицам, свернуть в такой-то переулок и выйти на площадь такую-то, окажется в углу неправо?» Удивленный этим вопросом, Валерий спросил Бахмана: «Разве вы, Георгий Георгиевич, бывали в Мадриде?» «Нет, — отвечал тот, — я только собирался туда поехать и, на всякий случай, выучил план Мадрида».

И, наконец, следует сказать о незаурядной способности Брюсова к воображению. Примером, и примером своеобразным, этой способности может служить изобретенная им в юности игра, которую впоследствии переняли от него и мы, младшие. Валерий, его двоюродный брат «Тонька» (Н. П. Павлов) и другие их товарищи, облюбовав пустующий флигель в глубине нашего двора, назвали его кораблем и предпринимали на нем «далекие плавания». Валерий числился на корабле капитаном; остальные выбирали себе должности боцмана, матросов, кока. Игру вел Валерий, изображая то, что мы в такой игре называли, «судьбой»: он рассказывал, как идет плавание, какие происходят происшествия — штиль, буря, нападение пиратов и т. п. Все другие участники должны были действовать и говорить

согласно своим ролям. Это было вроде импровизированной театральной постановки, но все производилось как должно: провинившегося матроса сажали в трюм (сырой и темный подвал) или давали ему в наказание определенное количество «линьков», то есть самых натуральных ударов веревкой. Игра эта длилась с продолжениями много дней и даже месяцев. Какое надо было иметь воображение, чтобы вести продолжительное время рассказ на выбранную тему, и притом рассказ занимательный, так как иначе игра потеряла бы всякий интерес для играющих!

Вспоминается в связи с этим один забавный случай. В начале 20-х годов довольно большая группа взрослых людей, и я в том числе, решила попробовать организовать такую игру в доме одних знакомых. Темой игры было путешествие на корабле с приключениями. Кораблем нам служил ковер, постеленный посередине комнаты. По ходу рассказа корабль потерпел «крушение» и несчастные «мореплаватели» пустились вплавь к ближайшему берегу. В это время в дом, где все это происходило, пришел В. А. Гиляровский. Проходя мимо комнаты, где «терпел крушение корабль», он приоткрыл дверь и увидел там ползущих (то есть

«плывущих») по полу к дивану и стульям, изображавших землю, взрослых людей, а под ломберным столом — стоящего на четвереньках почтенного профессора Котляревского. Дядя Гиляй, растерявшись, еле выдавил из себя неуверенное «Здравствуйте!» и поспешил захлопнуть дверь. А Котляревский, продолжая стоять под столом и прочно держась за воображаемую скалу, машинально ответил ему, выпятив по привычке нижнюю губу: «С добрым вечером!».

Я не хочу окрашивать образ брата в одни розовые тона. У него, как и у всякого живого человека, были свои недостатки и временные увлечения в молодости спиритизмом, которым он занимался вместе с А. А. Лангом (Миропольский). Но они в общем-то не меняют облика Валерия Брюсова, который, освободившись от них, пришел к революции и народу. Поэтому я не считаю нужным о них писать.

* Семья Брюсовых дала Родине замечательную плеяду талантливых деятелей науки и культуры: Валерий Яковлевич — выдающийся поэт и ученый-филолог; Александр Яковлевич — видный археолог, доктор исторических наук; Лидия Яковлевна — доктор химических наук, профессор; Надежда Яковлевна — про-

фессор консерватории,
доктор искусствоведческих
наук; Евгения Яковлевна —
преподаватель музыки в
консерватории (прим.
редакции).